

Вакалова Анна

Фокусник

6+

Анна Сергеевна Вакалова

Фокусник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43683682

SelfPub; 2019

Аннотация

Мы все пытаемся жить свою жизнь счастливо. И фокусник из рассказа тоже познает эту магию.

Содержание

- 1 -	4
- 2 -	9
- 3 -	14

Я сижу на высоком табурете, вцепившись в край кулисной плотной ткани. Вокруг меня порхают тетеньки в блестящих юбках. Дядя Боря важно называет их «ассистентками», но я не берусь повторять – боюсь, не выговорю. Эти тетеньки бегают быстро, но только на носочках, чтобы ни в коем случае не прервать представление. Если прервать представление, пропадет вся магия, так мне говорит дядя Боря. Да и каждый дурак это знает, зачем только дядя Боря все время это повторяет?

Вот я, например, чтобы не спугнуть магию, все представление сижу на табурете. Нельзя ни вставать, ни бегать за тетеньками в блестящих юбках. Это я усвоил сразу, хоть и с трудом. Зато с моего злачного места отлично просматривается самый центр сцены. В залитой светом софитов сердцевине стоит статный фокусник. Он помпезными движениями обводит зрительский зал руками, привлекая, а на самом деле, отвлекая их внимание. Его высокий цилиндр опоясан фиолетовой атласной лентой, придерживаемой крутыми, слегка закрученными полями шляпы. Я знаю, что внутри этот черный котелок не так прост: почти у самого основания – отворачиваемый карман для фокуса «Двойное дно», а в подкладке спрятаны особые карты и монеты, нужные еще для двух сценок. Весь костюм – настоящая сокровищница потай-

ных местечек, у всего, даже у перчаток, есть свои примочки. Нужно только уметь незаметно ими пользоваться. Как оправдывается дядя Боря, ловкость рук и никакого мошенничества.

Сейчас фокусник сделает свой коронный номер: освободит себя из тесного запертого ящика. Двое спортивных парней проносят ящик мимо меня, и я наклоняюсь чуть вперед. Когда реквизит выносят на сцену, люди ликут. Это действительно сложный номер, я до сих пор не разгадал его секрет. Фокусник орудует красивыми словами, заговаривая толпу, а в это время за кулисами кипит работа: спортсмены скрываются под сценой, а им на замену выбегают красивые тетеньки в блестящих юбках, которые загораются от софитов еще ярче. Из зала раздаются аплодисменты, и тетеньки поднимают крышку продолговатого ящика, чуть наклоняют его в сторону зрителей, чтобы те удостоверились – подвоха нет. Как же!

– Уже начал?

– Ага.

Это меня спрашивает дядя Боря. Он вообще-то очень занятой человек, но всегда приходит посмотреть на этот фокус. Встанет рядом с табуретом, положит мне руку на плечо и даже не говорит ничего. Хотя обычно дядя Боря всегда найдет что сказать, работа у него такая, даже называется по-особенному – конферансье. Мне нравится, как это звучит. Очень вкусно.

На сцене представление в самом разгаре. Тетеньки уже опускают крышку ящика, запирая фокусника внутри. Они достают из блестящих юбок замки, продевают сквозь заклепки и закрывают ключами. Потом, для пущей убедительности, они передают ключи в зал кому-нибудь из первого ряда и дергают замки что есть сил, те, конечно же, не поддаются.

Все, фокусник замурован в ящике. Замки настоящие, я проверял. Тетеньки идут в противоположную кулису, а мимо нас на сцену проходят другие, они накрывают ящик темной вуалью и ставят сверху песочные часы. В это время сверху появляется огромное лезвие. Его опускают вниз с помощью простого механизма на веревке, до середины. Я даже знаю тех, кто это делает, они хорошие ребята, на них можно положиться.

Когда часы переворачивают и начинается отсчет времени, ящик начинает трястись, значит, фокусник внутри барахтается, пытаюсь выбраться. В зале гудит тишина, а нанятый музыкант начинает барабанить быстрой и волнующей дробью. От напряжения я подаюсь вперед, но рука дяди Бори не дает мне упасть. Глухие стуки все еще вырываются из-под вуали, а песчинок в нижней части часов уже больше, чем в верхней. Кто-то в зале охает. Барабанная дробь набирает сумасшедший темп. Взгляды всех зрителей приклеены к шарохающемуся ящику. Я волнуюсь, как никто другой, но все же иногда посматриваю вокруг в поисках секрета. Он или очень прост, или очень сложен, но он в любом случае где-то здесь!

Когда остается пять секунд, закулисные силачи начинают потряхивать веревку с лезвием, и нависающая угроза ловит и раскидывает по залу отраженный свет. Зрители начинают шуметь, не в силах сдержаться. Ящик все еще шевелится, но ничего не происходит! Никаких потайных дверей, ничего не открывается, не отвинчивается, не свешивается. Даже из-за кулис не видно секрета. Получается, что фокусник все еще в ящике?..

Бах! Лезвие беззвучно прорезает воздух сцены и вонзается в ящик по диагонали. Женщины вскрикивают, а мужчины встают с мест. Я не заметил, как и сам до дрожи в локтях вцепился в сидушку табурета и накренил его на опасный градус. Дядя Боря ставит ногу на подножку и возвращает табурет на место.

Свет направлен на недвижимый ящик. Вуаль скомкалась в месте смертельного удара лезвия, которое прошло почти насквозь и застряло в паре сантиметров от пола. В звенящей тишине тетеньки-ассистентки убирают часы, нарочито медля. Спортивные парни помогают им избавиться от лезвия. Тетеньки стягивают вуаль, и зрители снова ужасаются – на сцене перед ними раскуроченный грубым ударом ящик, на котором громоздятся нетронутые замки. Ассистентки издеваются над нашими нервами, спускаясь в зал и возвращая ключи. Я прочищаю горло и шепчу, не помню что. Играя на публику, тетеньки по одному открывают замки, выволакивают их из петель, а затем берутся за разломанные части

крышки и поднимают их.

Все как один вытягивают шеи, надеясь, что внутри пусто. Но из ящика поднимается фокусник и улыбается, как ни в чем не бывало. Зал взрывается аплодисментами. Люди вскакивают с мест и кричат от восторга. Фокусник принимает из рук помощницы свой узнаваемый цилиндр и делает с ним скромные поклоны.

Я обмякаю на своем табурете и на выдохе хохочу. Опять он меня провел, этот фокусник. Не смог я разгадать секрета его коронного номера.

Я поворачиваюсь к дяде Боре, а он тоже улыбается. Уже нахлобучивает свою выходную шляпу и пиджак.

– Ну что, понял?

– Неа, – мотаю головой и почему-то посмеиваюсь. – Но я все равно разгадаю!

– Ну, попробуй.

И под звуки торжественной музыки конферансье выходит на сцену, а ко мне подходит мой папа. Толпа неохотно отпускает фокусника, но у нас полно дел: надо еще добраться до дома и покормить нашу кошку Буську.

Я все время поглядываю на часы. До театра дворами на самом быстром ходу мне пятнадцать минут, а, значит, я успеваю к номерам «Зеркальный голубь» и «Волшебная палочка». Так что как только звенит звонок, я срываюсь с места и несусь со всех ног. Не обращаю внимания на недовольных школьников, которые шарахаются от меня во все стороны. Надо торопиться.

Зима выдалась теплой, и снега напало много. Я утопаю в сугробах по колено, увеличивая время на дорогу почти вдвое. Еще и тяжелый портфель оттягивает руку. Уже на середине пути я стягиваю с себя шапку и начинаю дышать через рот. Последний отрезок пути до театра я преодолеваю уже натужным шагом, расстегнув дубленку и переваливаясь с боку на бок, как косолапый. Ныряю в фойе, проскакиваю мимо билетерши и охранника, дремлющего на вахте, и юркаю в дверь гримерки под лестницей. Уже слышу, как усиленный микрофоном голос папы объявляет свой коронный номер. Я бросаю свои вещи на незанятый стул и сквозными путями проникаю за кулисы. В затемненном пространстве стоит всего одна ассистентка, студентка Зоя. Она тепло улыбается мне, когда я взгромождаюсь на табурет. Я шепотом желаю ей «ни пуха», когда та выносит на сцену часы, вуаль и замки. Теперь все разом, в корзинке.

Фокусник уже открывает крышку ящика и наклоняет его, демонстрируя зрителям, что тот целостен и вообще, «самый обыкновенный ящик, господа». Я слышу позади себя шаги и, обернувшись, встаю с табурета, чтобы поздороваться. Мы с дядей Борей обмениваемся рукопожатием.

– Как в школе?

– Хорошо, дядь Борь. На сегодня все?

Дядя Боря кивает. В зале становится тихо, и он, видимо, не хочет «спугнуть магию».

Мой папа забирается в ящик и напоследок делает зрителям ручкой. По залу прокатывается детский хохот, кто-то шикает. Сверху появляется лезвие, включают запись барабанной дроби.

Длится этот номер всего шесть с лишним минут с учетом вступления и эпилога. Реквизит используется настоящий, а между тем простой и недорогой. Но вместе все комбинируется изящным образом. Очень интересная задумка, жемчужина в коллекции папиных номеров. А главное, сколько ни показывай, секрет так никто и не разгадал.

Вот ухает вниз лезвие, пугая самых маленьких зрителей до слез. Зоя в темпе, но грациозно, разбирает место действия, чтобы открыть частички разрезанной крышки и представить всем живого и невредимого великого фокусника. Он поднимает с пола оставленный им ранее потертый цилиндр и идет на поклон.

Зал рукоплещет и смеется. Юные зрители, заполнившие

чуть больше половины рядов, в восторге. Воспитатели пытаются унять самых энергичных и одновременно успокоить слабонервных. Кто-то торопится в туалет.

Дядя Боря примеряет свою лучшую улыбку и выходит на сцену на смену фокуснику. Папа подходит ко мне и надевает мне на голову свой цилиндр. На макушку мне вываливается плотный мячик из пришитого мною кармана для фокуса «Жонглер». Я поправляю цилиндр и раскланиваюсь, пародируя отточенные движения папы. Он улыбается.

– Ишь ты какой. Да по тебе сцена плачет.

Он снимает с себя заплатанный пиджак и расстегивает пуговицы на манжетах рубашки. Под цилиндром не видно, но когда папа его снимает, становится заметным, что волосы у него все в седых прядках. Он упирается ладонями в поясицу и потягивается, зевая. Устал.

– Ну-с, господа и дамы, на сегодня все. – Дядя Боря не успевает переключиться и продолжает быть конференсье уже за кулисами.

К нему подтягиваются артисты. Зоя снимает клипсы с оттянутых и красных мочек ушей. Двое парнишек, работающих под сценой, выбираются к нам, о чем-то негромко споря. До декораторов, реквизиторов и электриков очередь дойдет позже. Сначала рассчитываются с теми, кто непосредственно участвовал в представлении.

Дядя Боря снимает шляпу, поправляя редеющие волосы так, чтобы зачесать лысину, и вынимает из нагрудного кар-

мана пиджака конверты. Дележка нехитрая: силачи и Зоя получают меньше всех, потому что молодые, неопытные, да и подработка у них временная. Фокуснику платят четверть от сборов по билетам за каждое представление. Остальное берет директор театра, то есть дядя Боря в нашем случае, и распределяет на зарплаты второй очереди и нужды театра.

Я опускаю взгляд в пол. Вот этот момент я очень не люблю. Если бы меня спросили, то я бы сказал, что именно так пропадает магия.

Краем глаза все же вижу, как хмурятся парни и тяжело вздыхает Зоя. Папа только раз заглядывает в конверт и сразу опускает руки.

Все прощаются друг с другом, но папа уходить не торопится. Значит, ждем, когда закулисье опустеет. Значит, есть разговор. Дядя Боря почему-то тоже не торопится.

Когда Зоя уходит в примерку, а силачи убегают тратить деньги в ближайшем ларьке, папа обращается к дяде Боре:

– Борис Игнатьевич, это как же так получается...

– Так вот, Сереж, и получается. – Дядя Боря вытирает тыльной стороной ладони пот со лба и опускается на ручку кресла. – Сам видишь, уже какой раз к ряду не набираем зал. Сегодня еще с разных школ собрали, и то, билеты детские.

– Так может программу опять поменять. Новых штук напридумывать.

– Не, Сереж, не помогут новые штуки.

Мы стоим треугольником: папа с тревогой смотрит на дя-

дю Борю, дядя Боря отвечает ему хоть и прямым, но каким-то тусклым взглядом, а я, чувствуя нарастающее волнение, боюсь шелохнуться. Наконец, дядя Боря поднимается с кряхтением на ноги, вынимает из волшебного кармана несколько купюр и вкладывает фокуснику в ладонь.

– Борис Игнатьевич... – начинает папа, но не договаривает, хотя никто ему не мешает.

– Уж прости ты меня, Сережа... Хорошо поработали. Ты мне нравишься. И сынишка твой мне нравится, ей Богу!.. Да вот только поменялось все.

Они жмут друг другу руки, крепко и долго. Потом кратко обнимаются, хлопая друг друга по плечам. А затем папа берет пиджак и идет к гримерке, даже не обернувшись на сцену. Под грустным взглядом дяди Бори я встаю с табурета и шагаю вслед за фокусником. Спohватившись, снимаю цилиндр и роняю на пол мячик для «Жонглера». Тот откатывается к ногам директора театра, бывшего нашим покровителем все эти годы. Мы смотрим друг другу в глаза. Я пытаюсь улыбнуться, но что-то так тяжело давит на грудь, что не получается. И у дяди Бори тоже не получается.

И я просто ухожу вслед за фокусником домой.

Так уж сложилось, что больше моему папе удача со сцены не улыбнулась. Его брали дублером на несколько представлений малоизвестных фокусников, потом он нанимался просто помощником за кулисы, а в итоге устроился на деревообрабатывающий завод и проработал там до самой своей смерти. Умер он рано, всего в 57 лет. И, как рассказывала мне мама, никогда больше не притрагивался ни к цилиндру, ни к реквизитам.

Это очень странно осознавать, что жизнь не со всеми поступает справедливо. Мой папа был умелым фокусником. Он наотрез отказался рассказывать мне секрет своего номера с ящиком, и я до сих пор ломаю голову над этой загадкой. Но так уж сложилось.

Думаю, он все же был счастлив. Они с мамой прожили вместе долгие тридцать пять лет совместной жизни, вырастили и воспитали сына. Я был с ним близок до самого конца. Последний раз мы виделись за две недели до его смерти. Я привозил к нему внука и внучку. И я точно могу сказать, что он был спокоен и рад в тот момент.

Так что, может, получается, что даже со своими диктуемыми правилами жизнь не властна над нашим счастьем?

Пожалуй, что так. Ведь когда папа уходил в свой последний путь, когда мы все прощались с ним, я подумал: ко-

гда крышка «ящика» закроется, это не будет означать его смерть, ведь это – его коронный номер.